

Котляр Е.Р.**УДК 7.036 (477):39 (=411/16)****ИСТОРИОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА ШТЕТЛОВ**

Актуальность темы. Конец XX – начало XXI веков ознаменовались масштабным переосмыслением европейского культурного и художественного наследия, в оценке которого все отчетливей стали звучать понятия единого пространства культуры, идентичности, универсальных архетипов и национального искусства. В Восточной Европе и в особенности в Украине одним из таких ярких исторических и культурных явлений было еврейское местечко – реальный в своей географии и истории мир и одновременно мифопоэтический образ, ставший местом пересечения украинской и еврейской культуры, высоких духовных поисков и жесточайших социальных потрясений, хранителем фольклора и народной старины, живой средой традиционного ремесла и источником авангардных поисков. Для еврейских художников штетл оставался колыбелью восточноевропейского средневекового еврейства, в то время как для украинских, польских, австро-венгерских и других мастеров еврейское местечко было наглядным обликом жившего бок о бок с ними древнего библейского народа, во многом закрытого, ограниченного в правах и странного в своей повседневной жизни и обычаях. В еврейской историографии мир штетлов получил отдельное определение восточноевропейской еврейской цивилизации, которая более пяти веков оказывала значительное влияние на жизнь, быт, социальный и культурный облик титульных народов на современных территориях Польши, Украины, Литвы и Беларуси. На этих землях, и особенно в Украине, где в первой половине XVIII века началось распространение хасидизма и откуда двумя веками спустя вышел еврейский авангард, местечко стало микрокосмом еврейской цивилизации, который исследовали многие этнографы, художники и искусствоведы. Изучение пласта исследований, связанных со штетлом, представляется актуальным в связи с восстановлением и дальнейшим развитием этих исследований в постсоветский период.

Цель исследования: проследить истоки и развитие темы штетла в исследованиях ученых, этнографов, художников и искусствоведов первой трети XX в. Для достижения цели поставлены следующие **задачи:**

- изучить историографию темы штетла в искусстве, научную литературу и источниковую базу, определить проблематику и актуальные вопросы данной темы, стратегию и методы исследования;
- охарактеризовать историко-культурный феномен штетла, как уникального явления восточноевропейской, в т.ч. украинской культуры, проследить источники, виды и жанры традиционного еврейского искусства штетла, давшие толчок дальнейшим художественным поискам в станковых и прикладных видах искусства.

Объект исследования: научные исследования изобразительного искусства, связанные с темой еврейского местечка – штетла.

Предмет исследования: статьи, книги, архивные документы на тему штетла, начиная с конца 19 в. и по настоящее время, их эволюция и типология.

Основная часть исследования. Обращение еврейских художников к теме штетла, ставшего ключевой мифологемой [1, с. 9-10] всего еврейского мира Восточной Европы, было связано с их корнями и непосредственными впечатлениями из детства и юности, проведенными в местечках. Для художников, рожденных в последней трети XIX в. исследовательская база по искусству и традиционной культуре местечек не была источником информации или вдохновения. Формируется она тоже достаточно поздно, накануне Первой мировой войны. Но для их более молодых коллег, начавших свой путь в искусстве после Октябрьской революции 1917 года, появившиеся к этому времени исследования штетла и первые музейные собрания играли весомую роль. Значительно пострадавший во время войн, разрухи и погромов мир местечка, в особенности еврейской художественной старины, в их глазах представлял руины былого величия и скорее образы ушедшего детства, чем окружающие реалии. Так, в 1922 году, увидев готовившийся к печати «Альбом еврейской художественной старины» С. Ан-ского, Марк Шагал писал:

«Евреи, если им это по сердцу (мне-то да!), могут сетовать, что нет больше тех, кто расписывал местечковые синагоги, нет больше резчиков, вытачивавших деревянные «шулклатеры»¹. Ша! Я их видел в сборнике Ан-ского и испугался» [2, с.24]. В печатных источниках того времени мир штетла в творчестве художников оказался лишь визуально представлен, но не изучен. Традиционное искусство местечка, кроме синагог и их убранства, также почти не выносилось в научное поле.

Для современных исследователей и сам феномен местечка, и творчество художников, запечатлевших его, уже составляли *terra incognita*, – следы явлений, которые предстояло открыть заново. На первом этапе было важным расширить научную базу: найти источники и продолжить исследования, начатые в 1910-х – 1930-х гг., восстановить «вырванные страницы» из биографий художников, выявить круг их произведений. Параллельная задача состояла в анализе этой базы, создании культурного контекста, изучении этого материала с учетом современного уровня искусствоведческих знаний об искусстве того периода.

С этих позиций мы даем и анализ научного дискурса по отдельным, но связанным между собой вопросам. Один из них: мир еврейского местечка, его художественной культуры, попытки его научного осмысления и музейфикации, которые начались с конца XIX века. Сначала они были продиктованы интересами российских научных институций, занятых статистическим описанием провинций империи, в т.ч. и территорий черты еврейской оседлости, входившей в т.н. Юго-Западный край. Отдельные описания встречались в мемуарах и очерках путешественников. На рубеже веков инициативы систематического изучения местечковой цивилизации возникают и в среде еврейской интеллигенции, видевшей свои истоки в традиционной жизни штетла. В советское время этот интерес был продолжен, хотя и переименован советизацией национальной жизни евреев. Он держался вплоть до середины 1930-х гг. – времени свертывания институций нетитульных народов, в т.ч. ликвидации советской еврейской культуры. В других странах Восточной Европы, чьи земли позднее отошли СССР, этот процесс продолжался до аннексии их территорий и до начала Второй мировой войны, в общей сложности, до конца 1930-х годов.

Следующий вопрос – взгляд на общий контекст еврейского искусства конца XIX – первой трети XX века, его отдельные явления, региональные школы и объединения, а также, отражение темы штетла в творчестве художников. Еврейское искусство стилистически развивалось в русле европейских тенденций, хотя живо реагировало на социальные и культурные процессы своей альма-матер, когда мир местечка был еще прочен и устойчив, и после тяжелой катастрофы гражданской войны 1918-1921 годов, разорившей его. Еврейская старина штетла стала интересовать художников в еще более ранний период, однако, начиная с этого времени, они все чаще обращаются не к воспоминаниям, а к самим артефактам традиционного еврейского искусства, которые параллельно исследуются и собираются самими художниками, а также учеными и музейщиками, как из еврейской, так и украинской среды. Уже в то время мир местечка, а особенно в 1920-30-е годы видится дряхлым и умирающим, который необходимо, если не сохранить, то изучить и зафиксировать, что отмечают многие искусствоведы и музейные работники С. Таранушенко [9], Д. Щербаковский [8; 3, с.204-205]. Взгляд на местечко сквозь призму искусства того времени демонстрирует не только эксперименты художников, выбиравших ту или иную художественную стратегию, но и отношение к нему самих евреев, как к исчезающему миру их прошлого, сферы еврейских преданий и фольклора. Этот мир отражается в графике и живописи, книжной иллюстрации и сценографии, как и других видах искусства, составляя их сюжетную основу. Но в тогдашнем искусствоведении внимание было обращено не столько на штетл и его образы в искусстве, сколько на полемику вокруг проблемы существования еврейского искусства как такового, и противостояния художников галута (еврейского исторического изгнания), как тогда называли бытописателей штетла, и нового авангардного крыла [4].

С позиций нашего времени эти работы имеют не только художественное значение, но и исключительную документальную ценность, т.к. многие объекты того времени практически не сохранились. Здесь важен и внешний взгляд: каким видели и как отражали в своих работах еврейскую жизнь местечка нееврейские художники [5], ибо в их произведениях отражаются новые сюжетные линии, не свойственные евреям.

Еще одна точка отсчета – исследование и самого местечка, и творчества художников, его запечатлявших, в послевоенный и современный период. Удаленность от того времени, вызванная не только временной дистанцией, но и десятилетиями забвения, утратой многих произведений, запретом на иудаику в советский период и борьбой с формализмом привели к печальной картине. В последние полвека Советского Союза замалчивались и скрывались целые явления и имена, связанные с авангардом и еврейской национальной культурой. Послевоенный кризис еврейского местечка, в т.ч. и демографический, вследствие Холокоста, массовая эмиграция евреев и в целом стихание еврейской жизни местечка привели почти к полному разрушению его материальной среды. Уже не только сам штетл, но и произведения художников, запечатлевших его, во многом оказались отрезанными от наших знаний и культурного поля [6]. Пристальное внимание к этому с 1990-х годов, многочисленные конференции и исследовательские программы, музейные проекты, доступность зарубежного научного опыта, аккумулировавшего предыдущие десятилетия, открыли колоссальный материал для исследования данной проблемы, ее искусствоведческого осмысления, возвращения имен художников и их произведений.

Выводы. Научный интерес к теме штетла в изобразительном искусстве Украины распадается на два отдельных, но взаимосвязанных вопроса – исследование историко-культурного феномена самого штетла и его художественного мира, а также отражения этой темы в искусстве.

¹ Обрядовые трещотки, используемые в праздник Пурим во время богослужения и чтения Свитка Эстер.

Интерес к первому вопросу сперва возникает у русской интеллигенции, интересующейся этнографией «Юго-Западного края» Российской империи, а в дальнейшем, в преддверии Первой мировой войны и в еврейских литературных и общественных кругах, обративших внимание на собственное культурное и художественное наследие «черты оседлости». Начиная с С. Ан-ского, Р. Бернштейн-Вишницер, М. Сыркина, М. Балабана, Г. Лукомского, а уже в советское время – украинских исследователей Д. Щербаковского, П. Жолтовского и др., духовный и художественный мир еврейского местечка ни у кого не вызывает сомнений в его культурном своеобразии, выразительной силе, многообразии видов еврейского традиционного искусства, его богатой символики и связи с местной украинской, польской и в целом европейской культурой. Однако определение «штетл» с его современными контекстами и образами «колыбели» еврейской цивилизации сформировалось лишь несколько десятилетий тому назад (Зборовски, Герцог), как осознаваемый с позиций времени и масштабов трагедии Холокоста, отдельный, ушедший мир восточноевропейского еврейства [7].

Источники и литература:

1. Львов А. Штетл в XXI в. и этнография постсоветского еврейства / А. Львов // Штетл, XXI век: Полевые исследования : сб. статей / сост.: В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколов]. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. – С. 9-26.
2. Марк Шагал. Ангел над крышами / Марк Шагал. – М., 1989.
3. Щербаківський Д. Памятки мистецтва на Правобережжі / Д. Щербаківський // Коротке звітання Всеукраїнського Археологічного комітету за 1926 р. (з каталогом звітної виставки). – К., 1927. – С. 191-209 [отдельный раздел в статье назывался «Єврейське мистецтво». – С. 204-209].
4. Лаврский Н. Искусство и евреи / Н. Лаврский. – М. : Искусство и жизнь, 1915. – 57 с.
5. Кауфман З. С. Евреи в творчестве нееврейских художников / З. С. Кауфман. – М., 1995. – Вып. 11.
6. Шарафутдінова І. М. Данило Щербаківський (1877-1927) / І. М. Шарафутдінова // Археологія. – К., Ін-т археології НАН України, 1998. – № 3. – С. 140-142.
7. Лифшиц Ю. Две неизвестные коллекции по истории материальной культуры евреев восточной Европы / Ю. Лифшиц // История евреев на Украине и в Белоруссии: Экспедиции. Памятники. Находки / сост.: В. М. Лукин, Б. Н. Хаймович, В. А. Дымшиц. – СПб. : Петерб. Еврейский ун-т; Ин-т исследований еврейской диаспоры, 1994. – Вып. 2 : Труды по иудаике). – С. 152-158.
8. НИИ Археологии НАН Украины. Архив. – Ф. № 9. – Авторський фонд Щербаківського Д.: Єврейське мистецтво : матеріали наук. експедицій 1900-1920 рр.: дд. 73, 74, 80.
9. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского НАН Украины. Рукописный фонд. – Ф. № 278. – Авторский фонд Таранушеенко С. А. : фото С. А. Таранушенко и П. Н. Жолтовского по материалам научных экспедиций 1920-1930-х гг.